

*Татьяна Вольнец**

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

LANGUAGE SITUATION IN BELARUS AND ITS REFLECTION IN THE PRESENT-DAY NEWSPAPER TEXT

The article addresses peculiarities of Belarusian language insertion usage in texts of present day newspapers of Belarus published in Russian as well as bilingual ones.

Keywords: the language situation in Belarus, aggregation of Russian and Belarusian language elements, newspaper text

Słowa kluczowe: sytuacja językowa na Białorusi, agregacja białoruskich i rosyjskich elementów językowych, tekst prasowy

Конец XX века можно охарактеризовать как время активизации социальных процессов и смены идеологических парадигм. Для Беларуси – это было время, когда резко изменилось ролевое соотношение русского и белорусского языков. Два близкородственных языка, в течение долгого периода мирно сосуществовавшие в условиях „коммуникативно и демографически несбалансированного” [Мячкоўская, 2008, с. 85] двуязычия, вдруг оказались в состоянии конфронтации и превратились в объект политических дискуссий. Однако на речевом уровне идеологическое противостояние языков неожиданно и вопреки сложившейся ситуации привело к их активному и своеобразному взаимодействию. Наиболее ярко это проявилось в публицистике – самой чувствительной к общественным изменениям функциональной подсистеме языка. В условиях русско-белорусского языкового

* Кафедра русского языка, филологический факультет, Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса 31, 220050 Минск, Беларусь; e-mail: tatka1955@rambler.ru.

пространства авторы стали свободно переключаться с одного языкового кода на другой. И одной из характерных особенностей белорусских газет перестроенного и постперестроенного периодов стало включение разноуровневых элементов (от лексемы до микротекста) одного языка в текст, созданный на другом языке.

В одной из своих статей, написанных в тот период вместе с Ириной Ратниковой, мы отмечали, что при употреблении в русскоязычном тексте разноуровневых элементов белорусского языка обычно актуализируется их прагматический компонент значения – „оценочная характеристика” и уже сам факт языкового переключения оказывается эмотивно окрашенным. Основанием для включения белорусскоязычных вкраплений в текст на русском языке чаще всего является стремление автора:

- а) ситуационно оформить функционирование языка в социуме;
- б) ярко и эмоционально охарактеризовать объект речи, выразить свою оценку;
- в) расширить семантическое пространство высказывания и актуализировать затекстовую информацию;
- г) максимально приблизить содержание текста к читателю, подчеркнув принадлежность той или иной реалии к белорусскому социо- или этнокультурному пространству [Волынец, Ратникова, 1997, с. 220–221].

С момента выхода данной статьи прошло уже больше двадцати лет. За это время языковая ситуация в Беларуси приобрела несколько иные черты. Оба языка (русский и белорусский) получили равный статус в соответствии с *Законом о языках в Республике Беларусь*. Однако после введения его в действие право гражданина выбирать язык общения в основном стало реализовываться в направлении русского языка, т.е. неравноправный характер двуязычия стал глубже и в какой-то мере драматичнее, потому что равноправие языков *де-юре* и реальная практика их функционирования *де-факто* перестали соответствовать друг другу. Исчезло открытое противостояние русского и белорусского языков, при котором выбор языка общения был знаковым и сразу распределял участников ситуации общения по шкале „свой – чужой”. Нельзя сказать, что идеологическая конфронтация языков исчезла совсем, но она стала менее агрессивной и более завуалированной. Волна национального возрождения начала 90-х годов XX века, когда белорусский язык дети начинали изучать уже в детском саду, когда резко увеличилось количество белорусскоязычных классов и школ и многие преподаватели вузов стали читать лекционные курсы на родном языке, постепенно пошла на спад. В сфере образования русский язык очень быстро занял все ключевые позиции и стал

основным инструментом обучения. Факты, приведенные в газете „Свободные новости-плюс” от 29 августа 2017 г., свидетельствуют о том, что за последние 10 лет количество белорусскоязычных школьников сократилось в Беларуси вдвое. В последнем (имеется в виду 2016–2017 – *прим. автора*) учебном году в Беларуси по-белорусски предметы преподавались примерно 130 тысячам детей, а это 13% от общего числа школьников – самая малая цифра за все годы существования независимой Беларуси. Интерес к национальному языку и национальной культуре в среде молодёжи постоянно снижается. По данным социолога Дарьи Урбан, белорусский язык занимает последнее место в рейтинге заинтересованности учеников в предмете (для сравнения: русский язык в этом рейтинге находится на 4-м месте). К числу самых неинтересных предметов для школьников относится и белорусская литература [Урбан, 2018].

В новой социальной реальности изменился и процесс сознательного включения чужого слова (белорусского) в русскоязычный текст.

Цель нашей статьи – выявить особенности использования белорусскоязычных вкраплений в текстах современных (2017–2018 гг.) русско- и двуязычных газет Беларуси; определить тематическую направленность и семантико-стилистические функции данных языковых единиц.

В качестве источников языкового материала мы использовали издаваемые в Беларуси как государственные, так и негосударственные газеты: „Свободные новости-плюс”, „БелГазета”, „Комсомольская правда в Беларуси”, „Народная Воля”, „Рэспубліка”, „СБ сегодня” за 2017–2018 гг.

В ходе анализа языкового материала было установлено, что появление в русскоязычном тексте „чужого” (белорусского) слова обычно „провоцируют” такие коммуникативные намерения автора, как желание (или стремление):

– **ввести в текст прямую цитату**: *Будто спит сегодня „Астравеччына – край дарагі”*, как написал некогда на обложке книги про свою родную сторону писатель Адам Мальдзис [Свободные новости-плюс, 23.05.2017];

– *Зайшоў у „Бургер Кінг”, навітаўся і кажу: „Чорную гарбату без цукру, калі ласка”. Касірка адказвае: „Я не разумею”*, – минчанин Анатолий Новиков рассказал эту историю в соцсетях, а потом она стала достоянием массмедиа [Комсомольская правда в Беларуси, 7–13 июня 2017]; *„Каб Беларусь перастала быць краем, невядомым для саміх беларусаў”*, – так сам Смоліч охарактеризовал свою уникальную книгу [Комсомольская правда в Беларуси, 21–27 марта 2018];

– **зафиксировать реалии белорусской действительности**: названия газет, радиостанций – „Астравецкая праўда”, „Беларускі час”, „Голас часу”;

„Звязда”, „Наша Ніва”, „Радыё Свабода”, „Радыё Рацыя”, „Салідарнасць”, „Чырвоны сцяг”, „Чырвоная змена”; названия книг: *Нашчадкі Рагнеды, Сцюдзёны вырай* (роман В. Мартиновича); названия марок тракторов и комбайнов, производимых в Беларуси, – „Палессе GS16”; названия политических партий и общественных объединений – „Адраджэнне”, „Будзьма!”, „Моладзь БНФ”, „Народная Грамада”, „Таварыства беларускай мовы”; названия агроусадеб, культплощадок – „АртСядзіба”, „Родны кут”;

– **описать конкретные факты, касающиеся этнографии, истории и культуры Беларуси:** *9 марта в религиозном православном календаре – Обретение главы Иоанна Предтечи. В народе ещё – „паўраценне”. Название связано с тем, что теперь медведь поворачивается в своей берлоге на другой бок, зима тоже сворачивает и отступает: „Зіма баіцца Янавай галавы”. Вообще, считали, с этого дня всё в природе „наварочваецца, як і сама галава” [СБ сегодня, 2.03.2018]; „Аповесць мінулых гадоў” – проект, который объединил старшее и молодое поколение белорусских аниматоров [СБ сегодня, 16.03.2018]; [...] на афише „Паўлінкі” в советское время не писали „шляхоцкая гісторыя”, как теперь [Комсомольская правда в Беларуси 4–10 апреля 2018];*

– **оценить национальный характер белоруса:** [...] *у нас убірают. Нет тараканов и крыс, которыми пугают жильцов, предлагая заварить мусоропроводы. Жильцы соглашаются – **памяркоўныя** мы [Свободные новости-плюс, 12.12.2017]; Мы даже цитируем пошлые анекдоты от правителя московского и Всея Руси чаще, чем говорим „калі ласка” [БелГазета, 31.10.2017]; Белорусы, даже переехав в Минск, в душе остаются, конечно, крестьянской нацией и живут по определённой модели: осень – накапливаем, аккумулируем проблемы; зима – осознаём их, задаёмся вопросом о способах и сроках решения; весна – спорим, ругаемся, протестуем; лето – неподвижно лежим поперёк грядки, задаваясь вековечным вопросом: „**Мабыць, так и трэба?**” [БелГазета, 23.05.2017];*

– **противопоставить две культуры, два образа жизни – городской и деревенский:** *Впрочем, не думай, что родственники супруга тоже сильно в восторге от его выбора. Они сильно недоумевают, как можно вообще было надеть обручальное кольцо на палец, который ни разу в своей жизни не колупнул из земли картофельный клубень, и назвать женой ту, что „**кошык**” обзывает – прости Господи! – „корзинкой”, а „**кабылу**” – „лошадкой”? [Свободные новости-плюс, 12.09.2017]; Я не могу спокойно реагировать, когда на сельчан говорят „**дзярэўня**”. Колхоз – это состояние души [Свободные новости-плюс, 20.06.2017];*

– изложить факты и события, связанные с деятельностью белорусской оппозиции: *Вместе с двумя товарищами Косинеров попался за нанесение национального орнамента и различных надписей на стенах: „Беларусь мае быць беларускай”, „Рэвалюцыя сьвядомасьці, яна ўжо ідзе...”* [БелГазета, 2.05.2017]; *В Беларуси прошли местные выборы. Угадаете, что думает по этому поводу власть? Ага, вот это всё: белорусы сделали свой выбор, хорошо проголосовали, агитационный драйв зашкаливает, активность избирателей поражает воображение. А что думают по тому же поводу оппозиция и „незалежныя меды”, догадываетесь?* [БелГазета, 27.02.2018];

– отразить идеологическую конфронтацию, которая может проявляться как на официальном, так и бытовом уровне: *Юлию Бука – хозяйку агроусадьбы „Родны кут” в деревне Володьково в Глубокском районе – одни в шутку называют „помещицей”, а другие – „бэнээфаўкай”. Первое прозвище – потому что женищина скупила треть домов в Володьково, а второе – так как говорит на белорусском языке и имеет собственные взгляды на события в стране* [Свободные новости-плюс, 20.06.2017]; *В разрезе информационной войны итоги „Запад-2017” выглядят не так однозначно. Беларусь пережила очередное медийное нагнетание „навалы з Усходу”, кучу публикаций про „оккупацию”, „агрессию” и прочие ужасы* [БелГазета, 26.09.2017];

– обсудить вопросы, связанные с функционированием белорусского языка, с отношением к нему властных структур и жителей страны: – *Проект „Жывая мова” появился как альтернатива другим популярным курсам белорусского языка или как отдельная инициатива? – Для нас очень важно показать, что мова – это не какой-то экспонат, а живой организм. И что людей, которые используют родной язык повсеместно, – огромное множество. Причём как раз мова помогает им добиваться в жизни огромного успеха* [Свободные новости-плюс, 18.04.2017].

Как и прежде [Волынец, 1998, с. 37–38], среди белорусскоязычных вкраплений мы находим:

а) вкрапления-лексемы: *беларускамоўны, вячорак, гультай, дажынаць, дапаможнік, драпежніцы, кірмашы, паселішча, прайдзісвет, пустабрэх, складанкі;*

б) вкрапления-словосочетания (как свободные, так и нечленимые): *бліскауча перамога, гуканне вясны, Крывавы Рэжым, навала з Усходу, намоўленасць смерці, наш слауты зямляк, незалежныя меды;*

в) вкрапления фразового и сверхфразового уровня (как правило, пословицы, литературные реминисценции, цитаты из речи идеологических

оппонентов или буквальное воспроизведение речи белорусскоговорящего населения): *Мы постоянно слышим лозунг, что „Беларусь – цуд некранутай прыроды”, но у нас природоохранные зоны составляют всего лишь 6% территории, а в соседней Польше – 29%. [Свободные новости-плюс, 24.04.2018]; „Дай Бог намерці – толькі ў агні не згарэці”, – повторяла тётка отца моего одноклассника [Комсомольская правда в Беларуси, 24–30 января 2018]; У нас в Беларуси говорят: „Еўдакія лета ў руцэ трымае”, то есть если 14 марта день будет тёплым, значит, вскоре потеплеет [Комсомольская правда в Беларуси, 28 апреля – 6 марта 2018].*

Однако качественные и количественные характеристики различных в структурном отношении белорусскоязычных вкраплений, используемых в современном публицистическом тексте, имеют свои существенные особенности, которые в середине 90-х годов XX века для языка газеты свойственны не были. Первое, что обращает на себя внимание, – это резкое увеличение количества вкраплений фразового и сверхфразового уровня. Русскоязычные авторы сознательно включают в свои тексты не просто лексемы или словосочетания, маркирующие социальное пространство Беларуси, а целые тексты, которые реально являются чужими, но при взаимодействии с авторским текстом функционально работают на развитие темы, информирование, оценку и характеристику ситуации. В результате белорусский текст, включённый в русскоязычную статью, фактически превращается в элемент межтекстового взаимодействия и участвует в формировании интертекстуальности современной белорусской публицистики. Это наблюдается в очерках о жителях Беларуси, когда журналист в русском тексте воспроизводит слова героя очерка – реального носителя белорусского языка; при цитировании официальных ответов чиновников госучреждений, при использовании Интернет-ресурсов, откуда берутся комментарии тех или иных событий, написанные на белорусском языке. Последний источник интекста особенно интересен, потому что благодаря ему журналисты „БелГазеты”, например, составляют еженедельные обзоры Недели.net, где рассказывают о том, как реагировали соцсети на важные события прошедшей недели. Обращает на себя внимание тот факт, что двуязычные тексты, как правило, создаются в том случае, если обсуждаются вопросы, актуальные для российско-белорусских отношений, связанные с развитием белорусской экономики, историей Беларуси, конфронтацией властных и оппозиционных структур. См.: *Ну и, конечно, мимо Байнета не прошла 7-летняя годовщина Плошчы. Ленты соцсетей были полны воспоминаний о мятежном декабре. „19 снежня – гадавіна*

Плошчы-2010. Хто толькі ні намагаўся прынізіць яе! Спляжыць яе пёркамі, як спецназаўцы сем гадоў таму пляжылі дручкамі! Чаму? Бо ў той дзень, як ні ў адзін іншы ў найноўшай беларускай гісторыі выявіўся вольны дух народа. І ён нескарона над Плошчай лунае... – вдохновенно рапортавал Уладзімір Некляеў. Правда, не все расценили Плошчу как „перемогу”. „19 декабря 2010 г., после очередных «элегантных» выборов, была организована одна из самых подлых провокаций, именуемая «Плошча-2010», убившая публичное (и не только его) в Беларуси напрочь. До сих пор неизвестны ни организаторы, ни реальные исполнители”, – мрачно трубил Евгений Вежновец [БелГазета, 27.12.2017]. Подобные тексты, с одной стороны, отражают реальную ситуацию двуязычия, а с другой – сталкивая противоположные позиции и мнения как политиков, так и простых пользователей Байнета, свидетельствуют о неоднородности белорусского общества и актуализируют его болевые точки.

Двуязычные тексты, в которых соотношение русского и белорусского текста может быть определено как равноправное, появляются и в тех случаях, когда журналисты обращаются к вопросам национальной культуры, сохранения и развития белорусского языка. *Дзве мовы Паўла Белавуса* – так называется статья А. Томковича, напечатанная в газете „Свободные новости-плюс” от 6.03.2018 г. Это очерк-интервью, в котором журналист и его собеседник сначала ведут разговор на белорусском языке. Но, как только А. Томкович задаёт вопрос: – *Павел Белавус размаўляе толькі на беларускай мове?* – ответ идёт с переключением языкового кода: – *На работе и с единомышленниками – естественно. Да и в быту стараюсь. По-другому быть не может по определению. Вся наша коммерческая деятельность осуществляется только на белорусском языке. Этому принадлежит 70–80% моей жизни. Однозначный выбор сделан давно. В то же время я ни от кого не скрываю, что разговариваю и на русском языке. Отчётливо понимаю – большинство (к сожалению) нашего общества в общении употребляет именно его. В том числе и часть моих родственников. Бывают жизненные ситуации, когда нужно говорить на русском языке, чтобы гораздо быстрее, скажем, решить некоторые вопросы. Для меня здесь нет никаких проблем.* И далее разговор журналиста и героя очерка продолжается на русском языке.

Соединение двух языков – русского и белорусского – наблюдается и в статье О. Шилак *Восем разоў перачытваў „На ростанях” – як не стаць сельскім настаўнікам*, напечатанной в газете „Комсомольская правда в Беларуси” от 18–24 апреля 2018 г. Заголовок статьи представляет собой цитату из речи героя статьи, поэтому оформлен как белорусскоязычный интекст.

Далее следует подзаголовок на русском языке, фактически объясняющий, почему статья идет в рубрике „Портрет явления”: *Выпускник столичного вуза отрабатывает распределение в сельской школе, ездит на работу за 30 км от дома и отучивает детей от трясанки*. И всё содержание статьи отражает взаимодействие двух разных текстов: авторского – на русском языке и героя очерка-интервью – на белорусском. Такие тексты, как правило, интерперсональны, они создаются с определённой целью – подчеркнуть своеобразие двух конкретных картин мира и ненавязчиво, без излишней дидактики, напомнить читателю о том, что в Беларуси язык титульной нации всё-таки белорусский.

Вторая особенность использования белорусскоязычных вкраплений в современном газетном тексте – активное обращение журналистов к „чужому” тексту, далеко не всегда оформленному в соответствии с правилами и нормами белорусской грамматики и орфографии. Стремясь к адекватному отражению социальной реальности, белорусские журналисты в последнее время начали использовать в своих текстах широко распространённую в устной речи трясанку – стихийно русифицированный „субстандартный вариант белорусского языка” [Мячкоўская, 2008, с. 86]. См.: – *Жыла по всякому. Замуж мене не по любви взяли. Я яму спадабалася, ён і спытаўся: „Ци ёсць у тебе пашпарт?” А мне 19 год! Я яму: „Ёсць!”*. Он яго у карман, пашоу да расписаўся без мене. А я ж его недели две тольки и ведала [Комсомольская правда в Беларуси, 20–26 декабря 2017] – это прямое цитирование героини очерка О. Ивашенко *Живу почти 95 лет, потому что работаю и не жалеюсь* – Марии Миновны Коростылёвой. Автор полностью сохраняет все орфоэпические, лексические и грамматические особенности языкового мира своего персонажа – реального человека, говорящего так, как говорят многие в Беларуси: – *После войны мой муж заведовау в Логишине районо. Мы молились Богу и працавали. Когда деца маленькие были, я их до церкви водила, нельзя было тогда, советская власть забороняла*. Насколько целесообразно подобное использование трясанки в газетном тексте – вопрос очень спорный. С одной стороны, это позволяет максимально приблизить содержание текста к читателю, но с другой – письменно фиксирует и закрепляет ненормативную ни белорусскую, ни русскую устную речь.

Несколько иначе трясанка используется в креолизованных текстах. Это явление, которое тоже стало распространяться в белорусских средствах массовой информации в последние годы. См., например, статья в „БелГазете” от 12.12.2017 *Толкачи и топтуны* (речь идёт о раскрутке новой идеологемы правительства: „Растём на 3,5% ВВП”). Статью сопровождает рисунок, на

котором изображены три зайца на поляне. Один из них вещает, двое слушают. Вверху надпись: *Заўтра будзем жыць как людзі* (графическое оформление смешанное, без запятой). Или рисунок: три зайца сидят грустные на полянке, а главный заяц у них спрашивает: „*Чаго грустим?*” [БелГазета, 19.12.2017]. *Трэба быць умным* – надпись к рисунку, где тоже изображены три зайца: один – большой начальник, два – чиновники пониже рангом, стоят перед ним навтыжку. Один из них поднимает руку к козырьку, как бы рапортуя: „Все будет сделано” [БелГазета, 19.12.2017]. Трасянка в подобных ситуациях употребления, безусловно, выступает как „креолизованный вариант белорусского языка” [Цыхун, 2000, с. 52] и является средством журналистской иронии, средством имплицитной оценки, за которой часто скрывается намёк на половинчатое (как в языке) решение проблемы. Когда же белорусскоязычные вкрапления сопровождают русскоязычные тексты в рамках иллюстративного материала с целью информирования о реальных событиях, то даются они без искажения. Так, например, в газете „Свободные новости-плюс” от 9.05.2017 г. была напечатана статья *Политзаключённые: кто и как их определяет*. Рядом со статьёй была размещена фотография плаката с надписью: *Беларусь – Палітвязні ў цэнтры Еўропы. Свабоду!* Или: в одном из номеров „БелГазеты” (от 12.09.2017) в постоянной рубрике „Кадр недели” фотография отражает реальную ситуацию: стоят три человека, держат плакаты. На одном из них надпись – *За мірную Беларусь!*

Третья особенность функционирования белорусскоязычных вкраплений в русскоязычных текстах современных белорусских газет – это активная актуализация „чужого слова” на уровне заголовка и подзаголовка. См.: „*Панская хвароба: как наши предки побеждали хандру*” [Свободные новости-плюс, 29.08.2017]; „*Каля нуля, дожди и снегопады*” [Комсомольская правда в Беларуси, 28 февраля – 6 марта 2018]; „*Дружыце бобёр в прысмакі попёр*” (о выставке-ярмарке „Охота и рыболовство. Весна-2017”, где была представлена для дегустации колбаса из мяса бобра) [БелГазета, 2.05.2017]; „*Белорус преподаёт мову россиянам: «Надо было перевести слово „памяркоўнасць”, голову сломал!»* [Комсомольская правда в Беларуси, 28 марта – 4 апреля 2018]; „*Даносчык на фронце стаў інвалідам, але доўга жыў*” [Свободные новости-плюс, 29.08.2017] – заголовок представляет собой прямую цитату из рассказа очевидца событий; подзаголовки: *Як мае быць* [БелГазета, 29.08.2017]; *Шчасце в зелёных очках* [БелГазета, 19.12.2017]; „*Нет больше щасця, як многа дзяцей*” [Комсомольская правда в Беларуси, 20–26 декабря 2017]; *Мне сосед говорит: „Мікола, будзь хітрэйшым!”* [Комсомольская правда в Беларуси, 4–10 апреля 2018].

Любой заголовок полифункционален: он одновременно является и первым смысловым аккордом текста, поскольку информирует читателя, о чём пойдёт речь в статье, и аттрактивным средством, с помощью которого автор привлекает внимание читателя, и тем языковым полем, на котором устанавливается первый контакт и формируется коммуникативная связь „автор – читатель”. С какой целью белорусские журналисты включают белорусскоязычные вкрапления в заголовки статей, написанных на русском языке? На наш взгляд, это абсолютно осознанное и стилистически оправданное использование „чужого” текста, нацеленное на актуализацию либо социальной реальности, либо затекстовой информации. См.: *„Бягом на плошчу!”* [БелГазета, 31.10.2017] – заголовок статьи, в которой речь идёт о внесённых в законодательство Беларуси поправках, касающихся проведения массовых мероприятий. Однако положительный в целом факт либерализации законодательства комментируется весьма иронично, а заголовок прямо отсылает к событиям 2010 года, когда выступления оппозиции на площади Независимости были разогнаны с помощью милицейских дубинок и слезоточивых газов. Или: *„Дзякуй, бацька, за навуку”* [БелГазета, 19.12.2017] – заголовок большой аналитической статьи, в которой речь идёт о состоянии белорусской науки, о II Съезде учёных и выступлении на этом съезде Президента страны. Заголовок двупланов и каламбурен, так как сталкиваются два значения слов *наука* (*навука*): 1) ‘деятельность в той или иной области человеческих знаний как род занятий’; 2) ‘урок, назидание, нечто поучительное’ [Словарь русского языка, 1981–1984, с. 409]. Да и лексема *бацька* в сознании любого белоруса ассоциируется не только с родным человеком, отцом, но и с образом Президента, созданным и растиражированным в массмедийном пространстве, причём не только в Беларуси, но и за рубежом. См.: [...] *на педсовете Лукашенко особенно охотно прибежал к давнему, испытанному имиджу строгого „бацькі”, время от времени дающего непослушным чадам ремня* [БелГазета, 29.08.2017].

Четвёртая особенность функционирования белорусскоязычных вкраплений в русскоязычном публицистическом тексте – это резкое изменение (сужение) их тематической направленности. В середине 90-х годов XX века в газетном тексте частотны были лексемы, обозначающие социально значимые и актуальные для Беларуси явления и понятия. Некоторые из них относились к этнокультурным символам или были близки к таковым (*бел-чырвона-белый сцяг*, *бульба* в значении ‘белорусский хлеб’, *дзяржаўная мова*, *літвіны*, *матчына мова*, *родная мова*); актуальны были и стереотипы

национальной самохарактеристики – *браткі-беларусы, лагоднасць, памяркоўны, памяркоўнасць, пань сахі і касы, рахманасць, свядомы/несвядомы, свядомасць/несвядомасць*. Рядом со стереотипами национальной самохарактеристики встречались также вкрапления-этносимволы, отражающие особенности национальной самоидентификации белорусов (*тутэйшыя, чужыныцы, чысціня нацыі*). Широко использовались вкрапления и для обозначения явлений и понятий общественно-политического характера, многие из которых представляли собой идеологические или этнокультурные концепты в стадии становления или переосмысления (*адраджэнне, адраджэнец, двухмоўе, згода, згоднік, нацыянальная свядомасць, незалежнасць*). Однако самую многочисленную группу образовывали вкрапления, обозначающие разнообразные явления и понятия реальной жизни, белорусские наименования которых сигнализировали о принадлежности к белорусскому социо- и этнокультурному пространству (*абяцанкі-цацанкі, аматарскі, апантаннасць, бязглуздзіца, гультай, журавіны, знянацку, кіраваць, красавік, пісьменнік, прыгажуня, садавіна-гародніна, снежань, травень, ужываць и др.*) [Вольнец, 1998, с. 39–41]. Из этого перечня тематически ранжированных лексем и словосочетаний в современном газетном тексте по-прежнему активно используются только *бульба* (и производное от него *бульбаи*), *незалежнасць, нацыянальная свядомасць, памяркоўны, памяркоўнасць, родная мова (или мова), тутэйшыя*. Резко сократилось количество стереотипов национальной самохарактеристики и самоидентификации белорусов. Вопрос об особенностях национального характера белорусов не исчез из поля зрения журналистов, но перешёл на другой уровень представления – мини-текстовый: *Учыцца всю жыццё – гэта і імператыв рынку, і жэланне весті нескучную жыццё вна парадигмы „чарка-шкварка-падэржанная марка”* [БелГазета, 26.09.2017]; *Все эти „хавайся ў бульбу”, „мы ніколі нікому нічога ніякага”, партызанская в шырокім сэнсе ментальнасць – оттуда, от множества трагических событий* [Комсомольская правда в Беларуси, 4–10 апреля 2018]. Иногда о самых существенных национальных чертах характера белоруса сигнализирует скрытая (косвенная) оценка. Так, например, в статье *Раздвоение личности*, где речь идёт о развитии цифровой экономики и создании условий для развития большого и малого бизнеса в стране, слово *памяркоўны* расширяет свою сочетаемость: [...] *с учётом качества политических, правовых и силовых институтов Беларуси, взглядов и готовности к действию населения и самого бизнес-сообщества другого реального пути, кроме вот такого памяркоўнага изменения экономики*

в целом и бизнес-климата в частности, нет [БелГазета, 27.12.2017]. Однако за этим текстом легко прочитывается другой: *памяркоўныя* белорусы не способны на радикальные изменения экономики, поскольку для этого реальных условий в стране нет.

Идеологические или этнокультурные концепты (символы) – тоже не очень желанные гости в современном русскоязычном газетном тексте (*бел-чырвона-белый сцяг* нередко используется в русском варианте: *бело-красный-белый флаг*). Слово *спадар*, которое было знаковым для середины девяностых годов (оно резко сменило свою оценочность со знака „плюс” на „минус” и употреблялось очень часто с иронией только по отношению к представителям оппозиции), нам встретилось всего лишь два раза: в статье К. Живоловича *Эй, чиновник! – Дорогой друг, товарищ, брат, сват и спадар!* [БелГазета, 19.12.2017] и в заголовке статьи *Молочный раздор и спадар Помидор* с подзаголовком: *Россельхознадзор не будет ограничивать ввоз молока, но возьмётся за томаты* [БелГазета, 20.03.2018]. В данных контекстах слово *спадар* тоже неоднозначно и оценочно: его адекватное восприятие предполагает наличие определённых фоновых знаний у читателя. В первом случае автор, используя слово *спадар*, обращается, скорее всего, к национально ориентированной и оппозиционно настроенной части общества. А во втором случае слово *спадар* „намекает” на конфликтную ситуацию, на очередное российско-белорусское экономическое противостояние, которое используется как элемент политического давления на Беларусь. Только яблоком раздора в этом конфликте уже будет не молоко, производимое в Беларуси, а *спадар Помидор*.

По-прежнему активно используются только те белорусские слова и словосочетания, которые маркируют белорусское социокультурное пространство: *Руководство с января этого года водило людей за нос. „Абцяцанкамі-цацанкамі” заставляли продолжать работу, но не платили ни копейки* [Свободные новости-плюс, 19.09.2017]. Круг таких слов практически непредсказуем, выбор их всегда субъективен, но с их помощью обычно актуализируются национальные оценки. См., например, как В. Карбалевиц включает белорусскую лексему *дрыгва* в текст статьи *25 лет на одном крыле*, где речь идёт о торжествах по поводу 25-летнего юбилея установления дипломатических отношений Беларуси с зарубежными странами и где авторские оценки, естественно, не совпадают с официальными: *Используя эту сиюминутную дипломатическую удачу (имеется в виду статус Минска как переговорной площадки по урегулированию украинского кризиса), белорусские власти пытаются выстроить какую-то масштабную*

стратегическую линию. Однако эта дипломатическая почва слишком зыбкая. Как говорят белорусы, „дрыгва” [Свободные новости-плюс, 23.05.2017]. Слово *дрыгва* в данном контексте семантически и стилистически многослойно. С одной стороны, оно ассоциируется с чем-то колеблющимся (дрожущим) под ногами, неустойчивым, опасным, а с другой – оно выполняет функцию интекста: связывает авторскую оценку с известным каждому белорусу произведением Я. Коласа *Дрыгва* – символом скрытого (партизанского) сопротивления белорусского народа врагу.

Язык – это проводник по социальной реальности (Э. Сепир). Он позволяет выявлять и осмысливать даже незначительные, на первый взгляд, но весьма симптоматичные изменения в менталитете того или иного народа. Изменение системы ценностей на уровне ментальных структур ведет к изменению выбора языковых единиц для описания фрагментов мира. В конце XX века в языке современной белорусской газеты начал формироваться своеобразный социокультурный конгломерат, состоящий из русских и белорусских языковых элементов. В первые десятилетия XXI века этот процесс не только сохранил свои семантико-стилистические характеристики (белорусское слово в русскоязычном тексте по-прежнему используется как средство оценки, иронии, как прямая апелляция к затекстовой информации, как сигнал коммуникативной ситуации „согласие – несогласие”, актуализатор белорусского социо- или этнокультурного пространства), но и приобрёл новые черты: а) существенно расширилось количество вкраплений фразового и сверхфразового уровня (журналисты используют белорусский текст как элемент межтекстового взаимодействия, участвующий в формировании интертекстуальности современной белорусской публицистики; кроме того, активно включая белорусскоязычные тексты в русское языковое пространство, авторы как бы компенсируют невостребованность белорусского языка в социуме); б) в русскоязычный газетный текст активно стала вводиться трясенка – стихийно русифицированный вариант белорусского языка; в) изменились текстовые позиции, используемые для актуализации белорусского слова (оно стало включаться в заголовки и подзаголовки, в креолизованные тексты); г) трансформация социальных условий привела к трансформации актуальных для газетного текста смыслов; в результате среди белорусскоязычных вкраплений резко сократилось количество лексем и словосочетаний, тематически связанных с обозначением явлений и понятий общественно-политического характера.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВОЛЫНЕЦ Татьяна, РАТНИКОВА Ирина, 1997, *Социокультурные процессы в Беларуси и двуязычие*, в: С. Георгиева, ред., *Лингвистические и культурологические аспекты русского языка в сопоставлении с родным: сборник статей*, Издательство Софийского университета, Пловдив, с. 219–224.
- ВОЛЫНЕЦ Татьяна, 1998, *Социальная реальность и функционирование языков (к проблеме белорусскоязычных вкраплений в русскоязычном газетном тексте)*, в: А. Маркунас, ред., *Избранные аспекты изучения русского языка и литературы: сборник статей*, Grafikon-Druk s.c., Познань, с. 37–45.
- ЕВГЕНЬЕВА Анастасия П., ред., 1981–1984, *Словарь русского языка в 4-х томах*, т. II: *К–О*, Русский язык, Москва.
- МЯЧКОЎСКАЯ Ніна Б., 2008, *Мовы і культура Беларусі: Нарысы*, Права і эканоміка, Мінск.
- УРБАН Дарья, 2018, *Мова не цікава?*, „БелГазета”, № 12.
- ЦЫХУН Генадзь А., 2000, *Крэалізаваны прадукт: Трасянка як аб’ект лінгвістычнага даследавання*, АРСНЕ-Скарына, № 6, с. 51–58.

Tatiana Wołyniec

SYTUACJA JĘZYKOWA NA BIAŁORUSI
I JEJ ODZWIERCIEDLENIE WE WSPÓŁCZESNYM TEKŚCIE PRASOWYM

Streszczenie

Tematem artykułu jest specyfika wykorzystania elementów języka białoruskiego we współczesnych tekstach rosyjsko- i dwujęzycznej prasy na Białorusi. Fakty świadomego włączania obcych (białoruskich) elementów do rosyjskojęzycznych tekstów są badane w oparciu o dane pochodzące z połowy lat dziewięćdziesiątych XX w., z czasów, gdy w języku białoruskiej prasy pojawiło się zjawisko społeczno-kulturowej agregacji rosyjskich i białoruskich elementów językowych. W wyniku analizy ustalono, że we współczesnym tekście prasowym proces wykorzystywania białoruskojęzycznych środków językowych: a) zachował swoje zasadnicze cechy semantyczno-stylistyczne (słowo białoruskie w rosyjskojęzycznym tekście nadal jest wykorzystywane jako: środek oceny, ironii, odwołanie do informacji pozatekstowych, sygnał sytuacji komunikacyjnej „zgoda – niezgoda”, aktualizator białoruskiej przestrzeni socjo- lub etnokulturowej; b) pojawiły się też cechy nowe: wzrosła liczba wtrąceń na poziomie frazowym i ponadfrazowym (dziennikarze wykorzystują białoruski tekst jako element oddziaływania międzytekstowego uczestniczący w tworzeniu intertekstualności we współczesnej publicystyce białoruskiej); do rosyjskojęzycznego tekstu prasowego zaczęto wprowadzać „traskanę”, czyli żywiołowo zrusyfikowany wariant języka białoruskiego; zmieniły się pozycje tekstowe wykorzystywane do aktualizacji białoruskiego słowa

(było ono aktywnie włączane do nagłówków i podtytułów oraz do tekstów kreolizowanych); transformacja uwarunkowań społecznych spowodowała, że zmieniła się tematyka tekstów prasowych, w rezultacie czego gwałtownie zmalała liczba białoruskich leksemów i związków wyrazowych związanych ze zjawiskami o charakterze społeczno-politycznym.

LANGUAGE SITUATION IN BELARUS AND ITS REFLECTION IN THE PRESENT-DAY NEWSPAPER TEXT

Summary

The article addresses peculiarities of Belarusian language insertion usage in texts of present day newspapers of Belarus published in Russian as well as bilingual ones. Facts of conscious insertion of alien (Belarusian language) elements into texts written in Russian are investigated on the basis of the data registered by the author in the middle of the 90-ies of the XXth century – the time when in the language of the newspapers in Belarus a specific sociocultural aggregation of Russian and Belarusian language elements started to be formed. In the course of the research it has been found that in the present-day newspaper text this process a) has kept its major semantico-stylistic properties (the Belarusian word in the Russian text is still being used as means of evaluation, irony, as an appeal to non-textual information, as a signal of the communicative situation “agreement – disagreement”, as an indication of Belarusian socio- or ethnocultural space); b) has acquired new features: the number of insertions of the phrasal and superphrasal levels has significantly grown (journalists use Belarusian texts as an element of intertextual interaction which participates in the formation of intertextuality of modern Belarusian publicistic writing); trasyanka which is a spontaneously russified variant of the Belarusian language started to be introduced into newspaper texts written in Russian; text positions used for the actualization of the Belarusian word have changed (it began to be actively used in headlines and subheadings, in creolized texts); the transformation of social conditions has brought about the transformation of the newspaper senses topical for the newspaper text, as a result the number of lexemes and word combinations thematically related to the designation of concepts and phenomena of socio-political character has sharply decreased among Belarusian language insertions.